

Потерянное интервью

И фраза «Счастливо!» на память

Каралис Дмитрий – 15 сентября 2023

В октябре 1974 года по институтским коридорам пронёсся слух: вечером во Дворце культуры моряков выступает Владимир Высоцкий.

Я вострепелся и бросился звонить в комитет комсомола приятелю. Билетов нет – все раздали по факультетам. На втором этаже Дворца культуры моряков размещался корреспондентский пункт газеты «Водный транспорт» – я немного сотрудничал с ними. Прибежал, запыхавшись, в корпункт.

– Хотите, попробую взять у Высоцкого интервью? Только надо договориться с вахтой, чтобы вечером пропустили.

Заведующий корпунктом неспешно достал из-под стола бутылку портвейна, налил, выпил, поморщился и пожал плечами:

– Ну, попробуй. Только на хрена он нам? У нас морская газета. А он кто? Да и вообще...

– А вы не знаете, как его отчество?

– Знаю. Владимир Владимирович! Как у Маяковского!

... С вахтой договорились. Я должен был тихо стоять у турникета служебного входа и поджидать певца. Оставшееся время я придумывал вопросы и волновался.

Это было время Высоцкого. Записи его песен звучали из каждого магнитофона. Идёшь по улице и слышишь из открытого окна: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!» Остановишься, поражённый пронзительностью аккордов и своевременностью подсказки, и сворачиваешь в пивной бар. А что ещё делать после таких рыдающих слов – садиться за калькулятор и лихорадочно вычислять средний срок службы судна класса «река-море» до капитального ремонта? Приходишь с рублём в бар – а там магнитофон хрипит весёлой энергией: «Где твои семнадцать лет? На Большом Каретном! А где твой чёрный пистолет? На Большом Каретном!» И после третьей кружки пива начинаешь слегка жалеть, что стал инженером, а не каким-нибудь романтическим бандитом с чёрным пистолетом...

Песни порождали о Высоцком легенды. Молодёжи нравилось, что он человек бывалый, мужественный и честный. Не мурлыкает под нос, не гнусавит, а режет правду-матку о нашей жизни грубым мужским голосом. Свой парень!

Так вот. Октябрь 1974 года. С блокнотиком и авторучкой жду на вахте Дворца культуры моряков Владимира Высоцкого. Волнуюсь. Опасаюсь увидеть бородатого мужика: в прожжённом свитере, с папироской, бутылкой водки и с потёртой гитарой, висящей на груди. А вдруг я ему не понравлюсь и пошлёт подальше?

Открывается дверь, и с улицы входят два человека: высокий, с копной чёрных проволочных волос, и поменьше – чистенький, в элегантном плаще с поднятым воротником. Гитару он держит на плече, как дубину. Высоцкий! Он уверенно толкает поручень турникета, они проходят вахту, и я слышу хриловатый голос: «И ты представляешь! Я играл два акта без перерыва!» Удаляются по коридору. Забегаю вперед, кланяюсь:

– Владимир Владимирович, я нештатный корреспондент газеты «Водный транспорт»...

– Меня зовут Владимир Семёнович! – громко поправляет Высоцкий.

– Ой, извините... Владимир Семёнович, можно будет взять у вас интервью для нашей газеты?

– Можно. Подходите после концерта...

За кулисами, куда я просочился, меня в любой момент мог прогнать пожарный или администратор, но спускаться в битком набитый студентами зал было рискованно: как потом вернёшься?

Я пялился на Высоцкого, который подстраивал гитару и готовился к выходу. Хорош! Сиреневая рубашечка с погончиками и жёлтыми пуговками-кнопками, фирменные джинсы, узконосые кожаные ботинки наподобие «битловок». Причёска – волосок к волоску. Симпатичный дядечка. И близко ничего нет от пьяницы, гуляки или шофёра-дальнобойщика.

Высоцкий вышел на сцену, низко поклонился загремевшему аплодисментами залу, слегка прокашлялся и начал петь.

Это была песня моряков пиратского брига – «Ещё не вечер»:

*Четыре года рыскал в море наш корсар,
В боях и штормах не полегло наше знамя.
Мы научились штипать паруса
И затыкать пробоины телами.
Но нам сказал спокойно капитан:
– Ещё не вечер, ещё не вечер!*

За кулисами слушалось плохо – звук живой и отражённый мешали друг другу, но зато я близко видел, как надувались вены на шее Высоцкого, и видел сияющий кончик его ботинка, плавно отбивающего ритм. Спев песню, он делал руками властный жест, прекращая аплодисменты, и, сказав несколько слов, начинал следующую. Ничего запретного или хулиганского Высоцкий не спел.

Высоцкий вышел со сцены прямо на меня. На лбу блестели капельки пота. Причёска слегка подрастрепалась.

– Пошли! – подмигнул. – Поговорим!

Мы быстро шли по закругляющемуся коридору, и Высоцкий толкал рукой двери артистических уборных, подыскивая место для разговора. Закрыто. Закрыто. Открыто! Мы вошли в комнатку с казённой мебелью, Высоцкий поставил в угол гитару, сел боком на канцелярский стол и вытащил пачку козырных по тем временам «Столичных». Щёлкнул красивой зажигалкой. С удовольствием выпустил дым. Рубашка на нём слегка промокла.

– О чем вы хотели спросить? – Высоцкий жадно курил, выпускал из ноздрей дым.

Вопросы были написаны в блокноте, но первый вопрос возник из концертной ситуации:

– Владимир Семёнович, вы начали своё выступление с песен о море. Почему? Вы плавали? Служили на флоте?

Высоцкий сказал, что в море отчётливая драматургия. В трудностях сразу видно, чего стоит человек. И поэтому песни о море пишутся легко. Он любит море, но моряком никогда не был... У него много друзей-моряков – они рассказывают ему разные истории, в том числе и про команду нашего сухогруза, которая попала под американский обстрел во Вьетнаме. И ему приятно, что его песню со словами «Но нам сказал спокойно капитан: ещё не вечер, ещё не вечер...» напевал в этой передрыге экипаж судна...

– А сколько песен вы всего написали?

– Никогда не считал, но думаю, штук четыреста наберётся...

– Легко ли даются вам песни?

– Иногда легко – идёшь по улице, и песня сама прорывается наружу. Иногда чертовски трудно. Можешь неделю в злости ломать карандаши, а песня не складывается... По-разному бывает.

– Кто ваш любимый писатель?

– Достоевский.

Я спросил про спортивные песни: как они рождаются? Какими видами спорта он занимался?

Высоцкий сказал, что в юности увлекался боксом. Занимался спортивной гимнастикой. Держит себя в форме: на сцене без этого нельзя. Может и сейчас уголок на столе сделать...

– А что для вас главное – театр или песни? Кем ощущаете себя в большей мере – артистом или певцом?

– Я артист, – твёрдо сказал Высоцкий. – Никогда не считал себя певцом в полном смысле этого слова. Выйти на сцену и петь чужие песни мне не хватает ни нахальства, ни желания. То, что я пою, – это мой театральный номер. Это моё от начала до конца. Я артист...

– А расскажите, пожалуйста, читателям нашей газеты о своей семье. Вы случайно не из театральной семьи, это у вас не наследственное?..

– По наследственной линии мне бы носить погоны, – просто ответил Высоцкий. — Отец был военным.

– А вот недавно вышла ваша пластинка с песнями «Утренняя гимнастика», «Чёрное золото», «Мы возвращаем землю»... Это компромисс с властью для того, чтобы выпустить пластинку, или вы сознательно уходите от острых тем?

Высоцкий нахмурился. Он сидел на столе, покачивал ногой и не спешил отвечать на вопрос. Вытянул из пачки следующую сигарету. Порывисто щёлкнул зажигалкой, затянулся, прищурился в сторону окна. Приоткрыл большую казённую форточку...

– Понимаете, в чём дело... Дело в том, что мы живём в безвременье... Безвременье – это когда ничего не происходит. Если после двадцатого партсъезда начались перемены, был разоблачён культ личности, в обществе запахло весной, народ услышал хотя бы часть правды о происходившем в стране, то сейчас всё затянута ледком равнодушия, народ не чувствует себя народом, всё решается без него... Безвременье – это безвременье...

Высоцкий проверил взглядом гитару в углу, стряхнул пепел и чуть назидательно поднял палец:

– И если мне удастся в фирме «Мелодия» издать пластинку с «Утренней гимнастикой» – уже хорошо! Я даже рад. Я знаю: придёт уставший

человек с работы, поставит мою пластинку, и ему станет чуточку легче жить... Давай следующий вопрос!

– Вы, наверное, много ездили по стране... – Высоцкий кивнул, соглашаясь. – Вы много видели, повидали разное... Жизнь вас кидала...

– Э-э, – поморщился Высоцкий и неодобрительно покачал головой, – вот этого не надо. Жизнь как жизнь! Как говорится, не сидел, не привлекался, не участвовал! Учился в строительном институте, но Бог спас от этой нужной людям профессии и направил меня прямёхонько в театральную студию! Обыкновенный московский парень!

– Но такое знание жизни, такие, так сказать, образы в ваших песнях... Откуда?

Высоцкий стал рассказывать о послевоенной Москве, о безногих инвалидах на тележках, о коммунальных квартирах, в которой сам вырос, о дворовой шпане, голубятнях, финках в кармане, кепках-шестиклинках...

– Жизнь – она кругом! Одни видят её, другие не хотят видеть! Или не могут! – он закурил ещё одну сигарету и взглянул на часы.

Я попросил автограф в блокнот. «Счастливо!» написал Высоцкий и поставил подпись на обороте моих вопросов.

Мы вместе вышли на улицу. Темно. На трамвайной остановке толпился народ. Крапал холодный дождик. На душе было тепло и одновременно тревожно от разговора с Высоцким. Ну кто мы для него? Случайные люди. А общался на равных, уважительно. И эта фраза: «Мы живём в безвременье...»

...В «Водном транспорте» тот же дядечка, снабдивший меня неправильным отчеством Высоцкого, прочитал два машинописных листка и недоверчиво крякнул:

– Не, не наша тема. Убери в конверт и никому не показывай!

В институтской многотиражке «Советский водник» думали несколько дней, потом вернули:

– Не-не-не... Не пойдёт. Высоцкий – не та фигура.

Позвонил Льву Сидоровскому в газету «Смена» – он печатал мои юмористические рассказы и сам брал интервью у артистов и разных знаменитостей.

В ответ что-то невразумительное, словно ему говорить неудобно.

– Может, вы сами с ним встречались и сделали материал?

– Нет-нет. Да-да. Всего доброго! До свиданья!

Внимательно прочитали, но шарахнулись от материала и в журнале «Аврора»: «Нет-нет, это не герой нашей молодёжи!...»

Две машинописные странички интервью ходили по рукам моих знакомых и в конце концов затерялись.

Остался лишь блокнот с вопросами-ответами и автографом Высоцкого. (Этот блокнотик с бежевой обложкой я сдал вместе со своими дневниками в архив Пушкинского Дома – Институт русской литературы.)

Но вот через несколько лет после смерти Высоцкого мне стали звонить из редакций:

– У вас было чудное интервью с Владимиром Высоцким, мы бы его сейчас опубликовали.

– Поздно.

– В каком смысле?

– Во всех. Сейчас каждый гардеробщик, подававший ему пальто, норовит выступить с собственным интервью: «Он был мировым парнем!» А тот, с кем Высоцкий по рюмке выпил, выступает по телевизору с воспоминаниями под девизом «У нас была крепкая мужская дружба!». Тот, кто ему пакостил, лезет в друзья. Кто стучал, уверяет, что любил, как родного брата. Противно. Не хочу. Да и потерялось оно. А восстанавливать по блокноту трудно. Спасибо...

(Публикуется с сокращениями)